

ДМИТРИЙ ЛЕГЕЗА

КАРТИНЫ
ИЗМЕНЧИВОГО
МИРА

Дмитрий Легеза

КАРТИНЫ ИЗМЕНЧИВОГО МИРА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2РОС=РУС)6-5
ЛЗ8

*Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации*

Легеза, Дмитрий

ДЗ8 Картины изменчивого мира. Стихотворения /Дмитрий Легеза. — СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга., 2017. — 52 с.

Сборник представляет около 40 стихотворений, написанных автором за последние 6 лет. В книге, оформленной в японском стиле (а «картины изменчивого мира» — это название направления в японском искусстве, в частности, сюжеты знаменитых японских гравюр), собраны произведения различной тематики — любовная лирика, детские стихи, описание путешествий автора, философские тексты, и стихи, посвященные военной теме. Разнообразие жанров и тем будет интересно как опытному читателю, воспитанному на классической литературе, так и молодому любителю поэзии. Дмитрий Легеза — участник российских и международных литературных фестивалей, его тексты переводились на английский, польский, испанский, итальянский, французский и другие языки.

*Для обложки использована гравюра "Writing on a Moonlight night"
неизвестного автора эпохи Мейдзу (Япония).*

Издание Санкт-Петербургской общественной организации
«Союз писателей Санкт-Петербурга»

© Легеза Д., 2017
© Санкт-Петербургская общественная организация «Союз писателей
Санкт-Петербурга», 2017

ISBN

Вместо предисловия

Монах-уборщик Пао из храма Внутреннего Ы вдыхал свежий горный воздух, ел рисовую лепешку и думал: почему люди стараются брать из окружающего мира самое лучшее для еды, питья, дыхания, зрения, слуха и осязания, а выделяют в мир, в основном, только неприятное. Однако выдыхаемый воздух можно украсить чудесными словами и этим как-то оправдать свое существование. Окрыленный Пао тут же решил стать поэтом и, отбросив метлу, начал сочинять книгу «Оправдание выдоха». Между тем, поэтом монах был никудышным, а вот уборку делал качественно. P.S. Автор не считает себя отменным уборщиком, поэтому, в целом согласный с мнением Пао, постарался оправдать выдох данной книжкой.

* * *

У нас погибла водомерка,
Теперь вода неизмерима,
Она бушующим потоком
Смывает наши города.

Мы не построили ковчегов,
Нас просто не предупредили
Ни замечательный синоптик,
Ни восхитительный пророк.

Теперь спасаемся, как можем,
И счастливы владельцы лодок,
Всем остальным достались бревна:
Ментам, чиновникам, бомжам.

Мы зажигали фейерверки,
Мы зарабатывали деньги,
Квартиры брали в ипотеку
Подолгу делали ремонт.

Мы как-то вышли на прогулку,
И там был, вроде, пруд пожарный.
Вдруг кто-то смотрит: водомерка.
И бросил камень. И попал.

Сумбурное восхищение Флоренцией

Небольшая терраса с видом на синагогу,
И чудесен закат, и чудесно вино «Tufesco»,
То сгущаются птицы, то рассыпаются, в эпилоге
Уходящего дня задернется занавеска.

Это я соврал, у них — зеленые ставни,
Это был не пейзаж, а лишь эскизы, наброски.
На одном из них появится в тексте Бродский,
Он сейчас уйдет — коварен воздух Тосканы.

Нет, у них за ставнями все-таки занавески,
Их задернув, скажет приезжий философ спален,
Мол, такое яйцо умудрился снести Брунеллески,
Что вопрос о примате курицы больше не актуален.

.....

Здесь кричать, как по облаку бить кувалдой,
А вот шепот для ангелов — различимей,
Мы пока не взлетели, мы ждем команды,
Нас еще земные не долечили.

* * *

Я смачной колбасы, блохастый Джим,
Принес тебе в писательском портфеле;
Над Крымом облако, похожее на Крым,
Пробитое Луной в районе Коктебеля.

Давай глядеть в пробоину, наверх...
На берегу, шипящем от прибоя,
Пес местный и неместный человек
Лежим, вполне довольные собою.

Вот облако ушло за Карадаг,
И Джим спешит за облаком внезапно,
А лапу дать на счастье? Как же так?
Уходит пес — и счастье безлапно.

* * *

Arrêt! Arrêt! И сто автомобилей
Вдруг замирают на Chemin Remembrance:
Кленовый лист
Перебежал дорогу.

Такой прозрачной осени в Квебеке
За много лет и местные не помнят.
А я запомню именно такую.
Je me souviens.

* * *

В Архангельске дожди. Гостиница «Двина»
Готовится тонуть, заdraивая люксы.
Соседние дома уже достигли дна
И шлют сигнал, что наверху не лучше.

Зато внизу еда и те же города,
Подонки есть, но их и ранее хватало,
«Мы ж рыбная страна, давайте все сюда»,
Но капитан «Двины» не слушает сигнала.

Канадку засмолив, он думает про тех,
Кто верность сохранил гостиничной присяге —
Уборщица Наргиз и спившийся портье,
И менеджер Олег, и грузчики-салаги.

А девочка одна, что так была близка,
Что с биркой на груди работала у стойки,
Покинула «Двину», теперь она — треска,
Подруга вожака некрупной рыбьей стайки.

Литдесантник

В деревню летят писатели,
когда наступает срок;
жди меня обязательно,
неведомый хуторок.

Зеленый, как понедельник,
замру в салоне АН-2:
— Ну что, браток, полетели?
— Давай.

— Смотри, — говорит пилот мне, —
их в этом районе сотни:
речное есть и болотное,
низинное и высотное.

Я их изучаю долго,
читаю снова и снова:
огородное и садовое,
и озерное, и лесное.

Туда доберусь лишь затемно —
вот книги и фляга кофе, —
жди меня обязательно,
село незнамо какое.

По дворам у них всё гуси да цыплята,
там не знают ни бандитов, ни полиции,
и крестом за небо церковка цепляется —
не дает земле под землю провалиться.

Маленький фотограф

Читали поэты, а я их снимал — и было мне больно,
И три объектива свисали с меня как черные бомбы.
Я полз по стене, прилипал к потолку, худой и короткий,
И щелкал, как будто глухарь на току, волшебной коробкой.
Я сбрасывал бомбы, крепил в пустоте, вязал ремешками,
Цеплялся крылом за сидящих, а те: — Мешаешь, мешаешь...
Поэты читают, сегодня аншлаг, я щелкаю в спешке,
И лысый затылок — фотографа враг — бликует на вспышке.

* * *

Когда мы крепкого вкусили
И не слегка,
Явилась ночь в халате синем
Трудовика.

Опилек звезды на сатине,
Рукав помят.
Сказала ночь: — Ну ты, скотина,
Давай скворечник сколоти нам,
Поскольку март.

Кому сказала — другу, мне ли,
Пойди пойми,
И что за птицы прилетели,
И что за «мы».

Но надо мастерить скворечник,
Таков приказ.
Стезя нетрезвости, конечно,
Погубит нас.

Злой мальчик Родионич

Может, почку продай, может, кассу ограбь,
Заруби ростовщицу-бабулю,
Но купи мне билетик на белый корабль,
Что сейчас на пути к Ливерпулю.

Тятя, тятя, пока твои сети легки,
И тунец, и мертвец миновал их,
Посмотри, в Ливерпуле горят маяки
В ожиданьи чудес небывалых.

И со скрежетом якорь уйдет в темноту,
И шеренгою встанут матросы,
И спасательный круг заблестит на борту
Будто глаз у слона-альбиноса.

Там каюта моя и в ведерке шампань,
И за дверью стюард наготове.
Я топор тебе выдам и маску, папань,
Дело стоит и силы, и крови.

* * *

Это стихотворение очень тонкое
Это стихотворение сложное
Там есть аллюзии
Там смыслы переплетаются

Чтобы понять это стихотворение
Нужно думать и видеть как автор
Нужно слышать как автор
Нужно стать автором

Автор же лысый и старый
Автор сутул и близорук
Он не меняет рубашек
Он даже носки не стирает

Я не хочу быть как автор
Я сам хочу мыслить и видеть
Пожалуйста не заставляйте меня
Читать это стихотворение

* * *

Вот человек, стоящий впереди,
Которого я тихо ненавижу,
Его брючки, что морщатся под ремнем,
Его липкую рубашку и затылок.

О, как ты отвратителен, человек, стоящий впереди,
Кто же так неудачно тебя подстриг,
Кто выбирал тебе эти нелепые синие брючки,
Эту гавайскую рубашку.

Кто выбирал тебе одеколон,
О, человек стоящий впереди,
Убивающий мое обоняние и зрение,
А слух мой убивает реклама.

Ты улыбаешься или хмуришься,
Этого я никогда не узнаю,
Ты все время будешь впереди,
Эскалатор движется вечность.

* * *

Однажды со мной в метро
Ехал голый человек,
То есть абсолютно голый
(И как он платил за проезд?)

Почему голый —
Он проиграл спор
Или пытался что-то доказать,
Голый человек.

Вокруг голого человека
Были свободные места,
На которые боялись сесть люди,
Никогда не видевшие голого человека в метро.

А я сидел на скамейке напротив.
Мне было все равно.

Cat and Paterson

Включили кино про Патерсона.
Кошка глядит, прижимая уши,
Она стихами потрясена,
Кошка — любитель Джармуша.

Патерсон пишет в секретном блокноте
Про спички и женщину что-то,
У кошки секретного нет блокнота,
И даже обычного не найдете.

Кошка — тоже поэт, но лежащий,
Кошка — тоже поэт, но кошачий,
Возможно, она — Ахматова
Измерения пятого.

Из мягкого кресла мы смотрим кино,
Но слышать двуногим, увы, не дано,
Как там, в измерении пятом,
Читают котам и котяткам:

«Славный мурлыка, прыгун и бегун,
Где ты теперь, сероглазый мейн-кун.
Спрыгну с лоточка, себя оближу,
В серые глазки котят погляжу...»

Наследник

Поэт напился, он идет непрямо,
Шатаясь от вериг:
Шарф Маяковского, жилетка Мандельштама,
Подвязка Лили Брик.

Ну, Лиля — лишнее, она хоть не поэтка,
Но важно этот груз
Нести наследнику серебряного века,
Его богов и муз.

А коль зима — и тут в тепле душонка,
От поросли иной
Есть ватник Бродского, ушанка Евтушенко,
Шаль Ахмадулиной.

Поэт напился, гнется, но доволен,
Придавлен ли?
Нет он растет, он выше колоколен,
Он пуп земли.

Расти, поэт, лелеем и питаем,
Греми, поэт, гряди,
А мы покритикуем, почитаем,
Но знай, что позади

Других наследников стремительная сцепка,
Чем им прикрыть низок?
Трусы Коровина, кабановская кепка,
Кенжеевский носок...

* * *

Недавно расстреляли космонавта,
Он высоко летал, он видел Землю
И правду попытался рассказать,
Нарушив сто секретных предписаний.

Поскольку космонавты, астронавты
И даже тайконавты говорили
О хрупкой красоте Земного шара,
Им приказали это говорить.

А наш, последний, он хотел, как надо,
Он так хотел, чтоб люди знали правду:
Наш плоский мир стоит на суррикатах,
На триллионах столбиков смешных.

Весна-черновик

аккуратно лапки сдвинув,
хвост завив валторной,
кошка спит наполовину,
ибо чувствует скотина
осторожный вдох гостиной,
выдох коридорный

отдыхай, товарищ юркий,
просыпай свой праздник,
на дворе другие мурки,
в снеговой грязи окурки,
да бутыльный пластик

выношу пакет помойный,
а апрель-то, вот он:
молодой, лихой, крамольный —
разноцветным, сибемольным
радуется нотам

серый, синий и лимонный,
рви пакет на знамя,
голытьбу построй в колонны,
здесь у кошек геликоны,
а во что трубят вороны —
нет тому названья!

* * *

Эльф Яков подрабатывал воланом,
Он чувствовал себя аэропланом,
Летая над веревкой бельевой,
Покуда два фаната бадминтона
По Якову лупили монотонно,
Забыв, что перед ними эльф живой.

Болезненны у Якова полеты,
Но лучше так, чем вовсе без работы,
Сегодня скуден эльфа рацион.
И каждый день, почистив и проверив
Костюм рабочий — юбочку из перьев,
Эльф Яков уходил на стадион.

«Вот раньше были феи, были гномы,
Дюймовочка была, а нынче кто мы,
Кем стали Питер Пэн и грозный Крюк,
Кому приятна сказка неживая?» —
Так думал Яков, каску надевая
И отключая телефону звук.

Детская песенка

Стоит на кухне мусорка,
помойное ведро,
А в нем играет музыка,
Равеля болеро.

Еще вчера был мусор там,
Он точно был вчера,
А нынче — Баха, Моцарта
Мы слышим из ведра.

По-моему, с помоями
Такое — в первый раз,
Диезами, бемолями
Ведро пугает нас.

Вот так, стоим испуганной
На кухне мы толпой,
О, как играет кухонный
Оркестрик домовой!

К нам из консерватории
Пришли профессора,
Топтались в коридоре и
Не тронули ведра.

А вдруг исчезнет музыка,
Лишь крышку убери —
И просто куча мусора
Окажется внутри.

* * *

В мае в Ботаническом саду
У Тосэя ветром сдуло шляпу,
У поэта старого Тосэя —
Новую соломенную шляпу.

В этом удивительного мало,
Новое не держится на старом,
Но всего обиднее, что в мае
Почему-то май и не настанет.

В книге посетителей читаем:

«Сдуло у Тосэя молодого
Старую соломенную шляпу.
В этом мае, ветреном и странном,
Сакура еще не зацвела.»

Изгнанные

*«Послышался голос: «А знает ли кто твои стихи
Наизусть? И те, кто знает,
Уцелеют ли они?» — «Это забытые, —
Тихо сказал Данте, —
Уничтожили не только их тела, их творения — также».
Смех оборвался. Никто не смел даже переглянуться. Пришелец
Поблелел.»
(Б. Брехт «Посещение изгнанных поэтов», пер. Б. Слуцкого)*

Хотел придумать рай для поэта — и вот тебе на:
Ни пиров Валгаллы, ни сочных гурий Джанната.
Только ранняя осень и домик над озером, и луна,
Кисточки, тушь, бумага — большего и не надо.

Наблюдать за дорожкой лунной, слушать шорохи камыша,
Рыбы тихий плеск да птичий крик над водой,
Так сидит поэт и кисточкой, не спеша,
Он выводит строки — одна прекрасней другой.

И приходят друзья — Вергилий, Овидий, Дант,
Пьют вино, головами кивая: — «Ты гений, блин!»
А потом я внезапно взял и придумал ад —
То же озеро, кисточки, строки... но ты один.

Французские трагические песенки из жизни продуктов

* * *

Анри, разумный майонез,
плясать задумал полонез —
и тут же вытек на паркет...
Мой друг Анри, вас больше нет,
вы — просто лужа на полу,
уже уборщица Лулу
пришла со шваброю и тазом.
Вот так мы потеряли Разум!

* * *

Котлета-террорист Аттила
В тот день купил себе тротила
И с криками «Свобода фаршу!»
Явился к овощам.... О, нет!
Прикрыв собой Луизу-спаржу
И редьку юную Жаннетт,
Упал картофель Оноре,
Навеки превращен в пюре.

* * *

Однажды марципан Гийом
влез на коня и тряс копьём.
Увы, не стать ему Шекспиром,
Его кусали — и от ран
Погиб Гийом. Покойся с миром,
Смешной романтик-марципан.

МЕТАМОРФОЗА

Жил да был яйцо Роже,
— Бац — и он петух уже.

* * *

Багет Жан-Поль и Эльза фуа-гра
Друг с другом танцевали до утра
И прочно слиплись к девяти ноль-ноль,
Теперь они ни Эльза, ни Жан-Поль.

* * *

Парижский модный saucisson Луи
Надел с утра ботфорты не свои,
А Никола, седого сыра бри,
Известного бретера и задиры...
На Пре-о-Клер лежит Луи, в нем — дыры.
Мораль ясна: чужого не бери.

* * *

Жил трюфель Жиль на поле под Пиньи,
Он пал в бою от пятачка свиньи.

* * *

Жан-Ги, военный круассан,
Влюбился в суши Кикү-сан
И, страстью нежною сгораем,
Все тайны ей поведал он,
А Кикү-сан была шпион,
К тому ж, мужчиной-самураем.
Отставка, суд, позор, долги...
О, как ты низко пал, Жан-Ги,
Не куртизанка, не актриса,
Не львица светская, увы,
Тебя лишила головы,
А иностранный кубик риса!

Критикака

В центре княжества Монако
Проживает Критикака,
С этой самой Критикакой
Не общается никто.

Как-то мэру Критикака
Говорит: — Месье, однако,
И жена у вас — макака,
И немодное пальто.

Мэр сказал, что это враки,
Тут могло дойти до драки,
В центре княжества Монако
Драка — редкий эпизод,

Сам великий князь Монако
Закричал на Критикаку
И прогнал на Титикаку
Лет на тысячу-пятьсот.

На далекой Титикаке
Нет жителя от Критикаки,
Вот сидит она в бараке
На пустынном берегу:

Ни альпаки, ни собаки,
Сдохли рыбы, сдохли раки,
Таракан в помойном баке
Затаился — ни гу-гу.

Ты не плакай, не рыдакай
Над ужасной Критикакой,
Смысл у сказочки двоякий,
Ты подумай-ка про то

Как живет в несчастном браке
Мэр, женатый на макаке,
У него дыра на фраке
И немодное пальто.

* * *

Сегодня счастлив бомж Сережа —
Наполнен бак.
Кому-то мусор, для него же
Кабак и банк.

Добыты теплые рейтузы
С дырой в паху
И сапоги времен Союза,
На рыбмеху.

Поёт Сергей, а песен между,
Терзая бак,
Твердит: — Надеть, надеть одежду —
И только так.

А бак велик, работы на день,
Но бомж поёт:
— Хочу одеть бомжиху Надю
Под Новый год!

Такой вот питерец Сережа,
Певец рейтуз,
И, уходящий год итожа,
Он ставит «плюс».

Сэндвичи на ветру

Люди-сэндвичи, носители рекламы,
Они покинули дома, простились с родными,
Они едут в Петербург работать
И ждать.

Ахмет, Василь и Сергей —
«Модные стрижки за 200 рублей»,
«Ремонт ПК» и «Аня — отдых 24 часа» —
Работают и ждут, когда он придет,
Большой Ветер.

Тогда они выйдут на Невский,
Крепче возьмутся за свои рекламные щиты,
Разбегутся, ноги в коленях согнут
И станут летчиками, как в детстве мечтали.

Ах, эти питерские небеса,
Быстрые облака...
«Аня — 24 часа».
«Стрижки», «Ремонт ПК».

В рекламных агентствах звонки, звонки,
Увы, информации нет,
Сколько стоят услуги героев таких,
Как Сергей, Василь и Ахмет.

Бипланы летят, и гудят ветра:
— Земляне, доброе утро,
Пишите контактные номера,
Стригитесь, чините компьютеры!

А где-то в далеком Пхеньяне
Жмет на кнопки усталый Ким или Пак:
— Здравствуйте, можно Аню?
— Сегодня нельзя никак...

* * *

«Не так опасен еж, как смерть ежа» —
Слова возникли огненные эти,
Когда я, онемев, полулежал
У девочки-дантиста в кабинете.

Слова горели за окном — и вот
Распались и потоком золотистым
Влетели в мой давно открытый рот,
Пропущенные девочкой-дантистом.

И стал я в тайны леса посвящен,
Тогда, на кресле, я узнал впервые
Про шёпоты животных, а еще
Про длинные цепочки пищевые.

И то, что лес, где умер еж, кривей
Становится и реже, в нем отряды
Растут полевок, ящериц, червей,
Плюс, майские хрущи и шелкопряды.

Какая фраза емкая была,
Какого необычного накала,
От нудного гудения сверла
Она так превосходно отвлекала.

* * *

Дорога трепещет как польский флаг,
Сигналят оттаявшие девахи,
И кажет порывисто миру «фак»
Водитель тонированной «девятки».

А мир — это я, простой пешеход,
Что топчет асфальта тельник.
Такой, вот, сюжет. Високосный год.
Весна. Петербург. Литейный.

Femme fatale

Хоть ангелом живи,
Хоть бейся и скандаль,
Внезапней ОРВИ
Приходит femme fatale,

Она приходит к вам,
Садится на тахту,
И вряд ли эта femme
Напоминает ту,

Которую в уме
Вы держите, весьма
Влюбленный в Мериме
И прочее Дюма.

Где роза быть должна,
Где лилия должна,
Там ночь и белизна,
Но все же вот она,

Качает головой,
Фатальная вполне.
И тапок гостевой
На узенькой ступне.

Позитивное

Какой сатин, какой сатин,
по двести, по пятьсот,
с ума сойти, с ума сойти
от таких красот!

А ситчик-то, а ситчик-то —
горошки, да сердца, —
и девочка лисичкою
глядит на продавца:

— Отрежь-ка василькового
по лучшей по цене,
чтоб наши поселковые
завидовали мне,

чтоб в платьице коротеньком
я выходила в май,
ах, на коленках родинки,
гляди, да не замай.

Вы обсуждайте ситчик мой,
болтайте про сатин —
и агроном Васильчиков,
и фельдшер Константин.

* * *

Уборка квартиры — как исповедь
Двух комнат и кухни, потом
Еще что-то вымыть и выстирать —
Вот так очищается дом.

На улицу мусор выносится,
Впускается в окна февраль.
Дом будет прощен, а виновница
Моей суеты — прощена ль?

Бродским навеянное

Антонова Петрову не дала...
Последний тихо встал из-за стола,
Где остывал заваренный «эрл грей»...
— «Быть может, оттого, что я еврей?
Но я ношу фамилию Петров...» —
Подумал так Петров, и пара строф
Стихотворенья свежего вполне
Оформились и выползли вовне,
На лист бумаги, на холодный свет...
Петров вздохнул и выплюнул послед —
Достаточно внушительный комок:
«Меня не любят, как я одинок,
И сигареты кончились почти,
И водку продают до десяти
(Как раз пробило десять), и к среде
Оплачивать кредит, а деньги где?
И начались проблемы со спиной,
И начались проблемы со страной.
Я — мертвый груз, стареющий балласт,
И мне уже Антонова не даст.
Затылок лыс, на животе жирок —
Не велика ль цена за восемь строк...»
И встрепенулся: — «Думаю, что нет.
Пойду, рискну: — Антонова, привет!»

Шахматное

Я тогда была еще в дебюте,
Нежный персик, ласковый левкой.
Он сказал: — Моею дамой будьте! —
И полез за шахматной доской.

Полноватый, бритый, белокурый,
С пиджачком в руке наперевес,
Он расставил медленно фигуры
И шепнул: — Давай на интерес!?

Молодого полная задора —
За спиной уже второй разряд —
Кажется, защиту Филадельфии
Я играть надумала, а зря.

Он смеялся, пешку продвигая
На подвязок девичьих редут.
Только в миттельшпиле поняла я:
Шахматисты пленных не берут.

— Моп аті, расстанемся друзьями,
Не клади мне пальцы на корсет,
Просто обменяемся ферзями
И — ничья? — Но он ответил: — Нет!

Два коня предательски убиты,
В окруженьи мечется ладья.
Я читала книжку про гамбиты,
— Может быть... гамбит? — спросила я.

Ухмыльнулся с видом Капабланки:
- Не сейчас, родная, потерпи. —
Шли его фигуры, словно танки
По сухой расчерченной степи.

Движимы безжалостной рукою,
Обступали нежного ферзя,
Собираясь вытоптать левкой,
Персики испробовать грозя.

* * *

Петрова в шоке: 'аксолотль' — не грек.
Вот Аристотель с Архимедом — греки.
И даже Пиндар — грек, но Аксолотль,
Чье имя сладкозвучнее, чем Пиндар
И ближе к Аристотелю, так вот,
Не грек он, а личинка амбистомы...
И давит это знание на Петрову,
Тогда она хватает сто рублей,
Бежит из дома, с криком — прочь из дома
На птичий рынок. Покупать и мстить.
О, божья тварь, ну почему не грек ты?

Склонение

Такая сцена в тамбуре ночном:
удолбище склоняется над чмом,
за воротник последнего держа.
Удолбище желает мятежа.
А чмо, что над окурками склонён,
не знает сам, склоняется ли он,
не слышит, как со звуками «чма-чму»
вагон, склоняясь, катится во тьму.

Вознесение астронавта

Перед тем как отлететь на Сириус,
Тихо произнес:
— «Господи, спасибо, что не сифилис,
Не туберкулез.

Что даешь уйти по-настоящему,
Выиграв себе
Огненный полет в железном ящике
К Сириусу-Б.

Для меня с грехами и огрехами
Это рай такой».
Он еще успел сказать «Поехали»
И махнуть рукой.

Gloria mundi

Хорошо жить в маленькой стране,
Издавать книги за счет государства,
Получать премии из рук генерал-губернатора
Или даже премьер-министра.

Дайте мне премию, господин генерал-губернатор,
Я пишу о бабочках и тюльпанах,
А ведь мог бы писать о голодных и мертвых,
О тюрьмах и о том, что неплохо бы назначить нового губернатора.

В большой стране все по-другому:
Можно писать о бабочках и тюльпанах, как поэт X,
О тюрьмах и мертвецах, как поэт Y,
Но есть еще поэт Z,

Который оторвал себе голову,
Четыре часа гулял с нею по площади,
А потом прибил над дверью резиденции
Сами понимаете, кого.

Голова еще открывала рот,
Наверное шептала стихи.
И поэту Z дали премию
С орденом на шелковой ленте.

Слава героям!

Мой район

На углу улицы Бутлерова
И проспекта Науки
Каждое утро, каждое утро
Слышатся странные звуки.

Живут здесь только ученые —
Академики, профессора,
Но странные звуки печальные
Звучат и звучат с утра.

В домах на улице Бутлерова
Консьержи имеют по два диплома,
И утром слышен как будто
Стон из-под каждого дома.

Из каждой парковки подземной,
Подвала или котельной:
— «Спасения ждем, спасения!
Потеряны мы, потеряны!»

Прикованы к трубам фановым,
Не соль, а плесень земли,
В науках точных — профаны,
В гуманитарных — нули.

Мы — верные слуги лени,
Разгильдяи разных сортов,
Нам лишь утром во время кормления
Изоленту сдирают со ртов.

Мы тоже купили квартиры
В престижном районе на севере,
Мы даже весьма гордились
Начитанными соседями.

Мы были не то чтоб плохими,
Исправно платили налоги,

Но вовсе не знали химии
И лепидоптерологии.

Да, мы не кончали ВУЗов,
Порой и школы — с трудом,
Мы этим бросили вызов
Соседям своим по дому.

Теперь, вот, страдаем — олухи,
Раздетые, необутые.
И, выглянув из-за облака,
Над нами смеется Бутлеров.»

Hasta Siempre

В городе Санта Клара
На Авеню де лос Десфилес
Есть тайная лаборатория,
О которой не знало даже руководство страны.

Никто, кроме Фиделя,
Никто, кроме Рауля
И еще двух-трех товарищей
Не знали, что в городе Санта Клара
Глубоко-глубоко в бункере,
Там, где хранятся руки
Убитого команданте,

Лучшие ученые мира —
Генетики и врачи —
Совершили великое чудо.
Им много платили за время,
Но гораздо больше за молчание.

Ради них, ненасытных ученых,
Тысячи крепких мужчин
Добывали коричневый сахар,
Сотни горячих женщин
Трудились на Варадеро.

И лучшие ученые мира —
Генетики и врачи —
Совершили великое чудо:
Viva la Revolucion!

.....

Hasta la victoria siempre, hasta...
Все тот же черный берет,
Та же проклятая астма
(Ничто ее не берёт).

Снова в зубах сигара...
— О великое чудо!
Амиго, мы ждем сигнала,
Мы ждем приказа, барбудо!

Мы — твоя гвардия личная,
Мы — двадцать девять верных
Эрнесто Рафаэля Гевары Линча
И далее де ла Серны.

...

— Я с вами, мои камрады,
Романтики революции,
Никто нам теперь не важен,
Ни *patria*, ни *muerte*,

Нам дела нет до Фиделя,
Раулю до нас нет дела,
Есть лишь огонь революции,
Пламя любой революции!

И нет иного сигнала,
Чем первый случайный выстрел,
И нет иного приказа,
Кроме приказа «огонь!»

Так вейся, бандера росса,
А также *otra bandera*,
Мы — прошлой жизни отбросы,
Мы — кости из Ла Игера.

Мы будем менять нашивки,
Бежать и стрелять куда-то,
Вчера боец по ошибке
Назвал меня «комайданте».

И нету над нами власти,
И нету за нами Кубы...
Вот только болят запястья.
Запястья болят. К чему бы.

* * *

Волхвы ушли, солдатики остались,
Под елкой, под шарами хрустала
Двенадцать их из олова и стали
Поют: — Тра-ля-ля-ля,
Пехотинец, конник,
Пики-палаши,
Ну-ка, Mausekönig,
Рожу покажи!
Уж мы тебя, гадину,
Штыками полечим,
Уж мы твою гвардию
Посечем картечью,
Подавим БТР-ами,
Накроем Градами,
Трупиками серыми
Девочек порадуем!

* * *

Меж камней обреченно лежит пехота,
К ней все ближе и ближе танковая колонна,
И тогда внезапно встает господин Минамото,
Первый лучник нашего батальона.

Минамото, майор, позывные «Том»,
Двухметровый детина с перекошенным ртом,
У него гигантские плечи
И руки — каждая больше метра в длину,
Говорят, что он был в плену
И там покалечен.
Он смотрит на стрелы свои и выбирает одну
С раздвоенным наконечником.

Господин майор, улыбка твоя крива,
Как могуч твой лук, прочна его тетива.
Многоножка мукадэ ползет, тяжела броня,
Но майор смеется: — Херня!

То есть, он, скорее всего, говорит иное,
По-японски, а мы лежим за его спиной,
Наблюдая, как двуязыкой, стальной, звуковой волной
Танк пробит головной.

Мы пошли в атаку, победно бил барабан,
Пехотинцы суровых эпох и суровых стран,
Те, кто древа не посадил, не построил дома.
А потом жгли костры и каждый думал о том,
Что когда-нибудь вырастит сына — великого, словно Том,
Минамото-но Тамэтомо.

Случай

*«На войне случается всякое.
Так однажды сержанту Николаю снарядом
Оторвало правую руку, правую ногу
И полголовы разворотило (конечно же, справа).»*

Лежит сержант Николай и сквозь шок болевой
Думает развороченной головой:
— Был я человеком, а стал половиной,
Кровь моя перемешана с глиной,

Вот я умер наполовину, сейчас умру целиком,
Стану облаком белым, ах, скорей бы стать облаком... —
И не видит сержант Николай, превращаясь в ничто и дым,
Как белые санитары идут за ним.

А за линией фронта — поле, на поле минном
Рядовой лежит — он тоже стал половинным,
Усеченным слева кусками кусачей стали,
И зовут его Николаем. Точнее, звали,

Потому что душа Николая, та, что цела,
Потихоньку уходит, то есть почти ушла.
И сейчас Николай превратится в ничто и дым...
Но приходят два санитары за рядовым.

.....

*«Доктор Франк доволен. Группы крови совпали.
По всем параметрам эти двое подходят друг другу.
- «Идеальная пара» — шутит доктор Франк.
С хорошим настроением он идет в операционную.»*

.....

Человек на кровати, вокруг провода, по которым
Уходят сигналы от датчиков к мониторам.
Человек подключен к аппарату, но сам уже сделал вдох.
Доктор Франк, вы — бог!

.....

Я не помню себя, не помню, кто я такой,
Я могу дышать, а вчера шевельнул рукой.
Медсестра говорит, что я иду на поправку.
И за это все спасибо доктору Франку.

О, спасибо ему, спасибо, что я живу
И что линия фронта теперь проходит по шву.
Слева прячется враг и справа прячется враг.
Ты родил чудовище, доктор Франк.

— *Коля, Коля, Николай,
Сиди дома, не гуляй,
Ты зачем пошел гулять,
Из винтовочки стрелять.*

Содержание

Вместо предисловия	3
«У нас погибла водомерка...»	4
Сумбурное восхищение Флоренцией.	5
« <i>Arrêt! Arrêt!</i> И сто автомобилей...»	7
«В Архангельске дожди. Гостиница «Двина»...»	8
Литдесантник	9
Маленький фотограф	10
«Когда мы крепкого вкусили...»	11
Злой мальчик Родионыч	12
«Это стихотворение очень тонкое...»	13
«Вот человек, стоящий впереди...»	14
«Однажды со мной в метро...»	15
Cat and Paterson	16
Наследник	17
«Недавно расстреляли космонавта...»	18
Весна-черновик	19
«Эльф Яков подрабатывал воланом...»	20
Детская песенка	21
«В мае в Ботаническом саду...»	22
Изгнанные	23
Французские трагические песенки из жизни продуктов	24
Критикака	26
Сэндвичи на ветру	29
«Не так опасен еж, как смерть ежа...»	30
«Дорога трепещет как польский флаг...»	31
Femme fatale	32
Позитивное	33
«Уборка квартиры — как исповедь...»	34
Бродским навеянное.	35
Шахматное	36
«Петрова в шоке: ‘аксолотль’ — не грек...»	38
«Такая сцена в тамбуре ночном...»	39

Вознесение астронавта	40
Gloria mundi	41
Мой район.	42
Hasta Siempre	44
«Волхвы ушли, солдатики остались...»	46
«Меж камней обреченно лежит пехота...»	47
Случай	48

Санкт-Петербургская общественная организация
«Союз писателей Санкт-Петербурга»

Дмитрий Владимирович Легеза

КАРТИНЫ ИЗМЕНЧИВОГО МИРА
Стихотворения

Союз писателей Санкт-Петербурга
Санкт-Петербург, 191119, ул. Звенигородская, д. 22

2017 г.
Формат 60×84/16. Объём 3,2 п. л. Заказ №